

**Присоединение Дагестана к России: традиционные и новые концепции
изучения проблемы**

Научный руководитель – Магарамов Шарафетдин Арифович

Абдулабеков Руслан Шахбанович

Студент (бакалавр)

Российская правовая академия МЮ РФ, Северо-Кавказский филиал, Юридический
факультет, Махачкала, Россия

E-mail: aytberov@list.ru

**Присоединение Дагестана к России: традиционные и новые концепции изу-
чения проблемы**

Абдулабеков Руслан Шахбанович

студент

Северо-Кавказский институт (филиал)

Всероссийского государственного университета юстиции

в г. Махачкале, юридический факультет

Махачкала, Россия

<mailto:aytberov@list.ru>

Проблема присоединения Дагестана к России, как и всего Северного Кавказа, выстраивание отношений между ними является одним из важных вопросов отечественного кавказоведения, трактовка которого получила в российской историографии разные версии. В дореволюционной литературе преобладала концепция «завоевания» Кавказа. В советской историографии эта проблема рассматривалась в рамках утвердившейся идеологии. В современной историографии проблема присоединения народов Северного Кавказа к России пополнилась рядом новых трактовок, авторы которых пытаются отойти от однозначных оценок фактов присоединения, рассматривая каждый отдельно взятый случай во всем многообразии его проявлений.

Присоединение территории современного Дагестана к Российскому государству не было одновременным актом. Формальное вступление дагестанской правящей элиты в подданство произошло гораздо ранее до реального включения их в административную систему России. Наиболее активные политические связи между Русским государством и государственными образованиями Дагестана начались со второй половины XVI в. Как было принято в те времена, отношения эти оформлялись шертями и сопровождались заверениями в подданстве («холопстве»). «Договор об учинении в подданстве», регулировавший взаимоотношения сторон, исключал возможность вмешательства центрального правительства во внутреннюю жизнь новых подданных. Они не утрачивали своей самостоятельности, и Русское государство не требовало от них полного подчинения.

Находясь под постоянной угрозой агрессии со стороны Персии и Османской империи, правители Дагестана все чаще обращались за помощью к Москве, которая обязывалась помочь им в случае нападения. С 1614 по 1642 г. только в Москву прибыло около 20 посольств из Дагестана. Еще большее число посольств из Дагестана побывало в Терках и Астрахани. Вступившие в подданство России дагестанские владельцы обязаны были «государеву службу», охранять дороги, выставлять проводников, следить за безопасностью русских торговых людей. Дополнительной гарантией соблюдения соглашений с местными князьями служили заложники-аманаты - как правило, из знатных или просто уважаемых

семейств. В отношении аманатов взгляды сторон тоже различались. Если воеводы видели в них знак безусловного и исключительного подчинения Москве, то местные владельцы - неприятный, но необходимый акт, сопутствующий договору с русскими о военном союзе или покровительстве.

Как установили ведущие кавказоведы, заключавшиеся соглашения между центральным правительством и дагестанскими правителями не следует воспринимать как обращение в полное подданство русскому царю. Их следует интерпретировать как результат временного совпадения интересов местной правящей элиты и русских властей, как свидетельство военно-политического союза, направленного против третьих сил - Османов и Сефевидов, боровшихся за господство над народами Кавказа.

В XVIII в. практика шертования ушла в прошлое, уступив место вступлению под имперскую «протекцию», что отражал тот же самый принцип покровительства (протектората), что олицетворялся шертью. Но в обоих случаях взгляды на заключаемые соглашения принципиально различались. Если местные дагестанские правители видели в них, прежде всего, пакт о военном союзе или же мирный договор, мало обязывающий, то для российской стороны это был знак безусловного подчинения [1, 160].

В XVIII в. в условиях активизации действий великих держав на Кавказе дагестанская правящая элита продолжала свою тактику лавирования. Наряду с персидским присутствием становится заметными притязания султана Турции. И отдельные дагестанские правители могли одновременно рассчитывать на титул от султана и шаха, жалованье - от шаха и императора [2, 78]. Если до Каспийского похода Петра I 1722 г. Дагестан оставался в сфере интересов Персии, то в начале XIX в., одержав победу в войне с Персией, Российская империя присоединила Дагестан.

Характер присоединения Дагестана к России, как выше отмечено, определялся и толковался в отечественной исторической науке на разных этапах ее развития по-разному. С началом «Перестройки» и обвалом господствовавшей идеологии вновь изменились взгляды на проблему присоединения народов к России. Термин «присоединение» вновь перестал устраивать некоторых кавказоведов, на этот раз в нем не нравилось уже то, что его можно употребить в смысле «мирного и добровольного вхождения». Звучали призывы рассматривать весь процесс включения Кавказа в состав России «как завоевание, поскольку он имел преимущественно военный характер». Высказывались мнения, что термин «добровольное вхождение» вообще не имеет права на существование, ибо в мировой истории нет ни одного примера, «когда бы один этнос по-настоящему добровольно присоединился бы к другому этносу (вошел в состав другого государства)».

В то же время переход дагестанских правителей в российское подданство на добровольной основе подтвержден многочисленными документальными источниками. «Новые подходы» к истории Дагестана XVII-XIX вв. не ограничиваются дискуссиями о характере присоединения к России. Сомнению начинают подвергаться, казалось бы, общепризнанные факты присоединения многих дагестанских земель к России конца XVIII - начала XIX в. В ряде работ историков с начала 1990-х гг. стали подчеркивать, что Гюлистанский договор был подписан за спиной народов Дагестана, не соответствовал их национальным интересам. На это следует ответить, что исследователи международных отношений допускают начиная с XVIII столетия «учитывать закрепление территорий за Россией в результате международных договоров» [3, 135], каковым собственно говоря, является Гюлистанский договор 1813 г.

Источники и литература

- 1) 1. Трепавлов В.В. «Добровольное вхождение в состав России»: торже-

ственные юбилеи и историческая действительность // Вопросы истории. №11. 2007.
2. Махмуд из Хиналуга. События в Дагестане и Ширване XIV–XV веках. Махачкала, 1997. 3. Трепавлов В.В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М., 2007.